

Алексей ГЕРМАН:

Я хочу, чтобы люди задумались

Алексей ГЕРМАН вернулся из Москвы в родной Питер — как утверждает, навсегда. Москва ему категорически не понравилась. «Там все друг друга не любят. Там слишком много мыслей о деньгах, ставших смыслом жизни. Мне в общем-то все равно, если я в отдалении, но находиться внутри просто не хотелось. Когда такое происходит в Америке — это нормально, когда у нас — противно».

— Почему вы все-таки уехали из Петербурга в Москву?

— Мне было оскорбительно оставаться в Ленинграде. Мне никто не хотел здесь помочь в работе, все выдумывали какие-то предлоги, чтобы устранились... В какой-то момент здесь не осталось серьезных режиссеров. Вот потому и уехал. Провалил в Ленинграде все, в том числе великолепную отцовскую квартиру на Марсовом Поле, и уехал. Теперь московская квартира стоит пустая, а я живу здесь, в Питере.

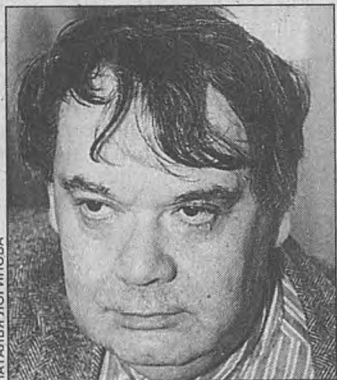
— Тоже в неплохом месте — в двух шагах от «Ленфильма». Ситуация там изменилась?

— Да. Здесь очень симпатичный директор (Виктор Сергеев. — Ю.К.), реализуются какие-то проекты, в конце концов стала нормальной, рабочей атмосфера. Кстати, я противник того, чтобы Госкино объединяли с Министерством культуры, и даже написал по этому поводу письмо президенту.

— Чем солидаризировались с Никитой Михалковым.

— Да ни с кем я не солидаризировался! Ну как я могу солидаризироваться с человеком, который, будучи монархистом, хочет, чтобы у Мавзолея Ленина был восстановлен почетный караул. Я режиссер, а не политик, в отличие от Никиты Михалкова.

— Вас не интересует политика?

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

— Ни в коем случае! Недавно, правда, заинтересовался — когда принимали гимн. Приняли — и мне вновь стало неинтересно. Этот гимн — первая серьезная ошибка президента. Поскольку надорванное общество теперь разорвано до конца. Я утверждаю, что Россия — страна, не признающая демократии. Таков менталитет. Говорить «я люблю Сталина, я люблю Грозного» — людей, добивавших собственное население, как моржей на льду, могут только у нас. Большинство абсолютно устраивает система, в которой нет никаких свобод. Но сказать об этом даже самим себе, признаться в этом — трудно, вроде как неприлично. Вот и придумываются, маски надевают!

(Окончание на 2-й стр.)

Алексей ГЕРМАН:

Я хочу, чтобы люди задумались

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— У Солженицына есть такой образ: «проволоку натягивали от самих себя, чтобы не убежать»...

— Вот именно. Мы — антидемократический социум, готовый к «натягиванию проволоки». И президент это понимает. Он президент всех россиян. Большинство из них плевать на свободы и поездки за границу, тем более что подавляющему большинству они теперь недоступны не из-за железного занавеса, а из-за финансового. Большинству нужен царь с карающей дубиной... Им будут ужасаться, им же будут и восхищаться. Либо будут междоусобные войны между вечно нищими и внезапно разбогатевшими, либо Путин возьмет меч и использует его по назначению. Сами понимаете, что и этот путь тоже принесет мало хорошего, но третьего, боюсь, не дано.

— Об этом вы делаете фильм «Трудно быть богом»?

— В молодости я заинтересовался этим романом Стругацких. Он весь полон так называемых «кукишей», написан прелестью... Намек есть, а на кого — догадывайся сам. Вот и догадывались. Какой-то человек из нашего будущего в похожем на наше государство пытался сделать людей счастливыми. А в государстве-то убивают, терзают, на кол сажают... Фильм должен был заканчиваться тем, что в этом

государстве к власти приходит «Черный орден». Мне, конечно, снимать запретили. Это совпало с вводом наших войск в Чехословакию, и мой «Черный орден» уже не подавал никаких надежд. Через какое-то время я все-таки добился разрешения ставить. И мы с женой сели опять писать сценарий, но нам стало неинтересно... Не захотелось прятать кукиш в кармане, а достать его оттуда возможным не представлялось.

— Вы снимаете «Трудно быть богом» в Чехии. Почему?

— Сначала казалось, что это дешевле, к тому же вся Чехия «ненастоящая», макетная. Там очень удобно снимать фантастику. Тем более если речь идет о XIII—XIV веках и одновременно — о настоящем и будущем... Я никогда не снимал сочиненное. Мне всегда казалось, что я снимаю то, что уже существует, что пусть где-то, пусть не здесь, но существует. Я снимал в лихорадке, уже сзади меня шли люди, которые ломали то, что мне нужно было для съемок. В Чехии, надо сказать, меня здорово обманули, нарушив договорные правила. То есть сначала нарушил я — приехал на месяц позже, сбил им весь график, — а уж потом они развернулись всюю. Деньги летели немеренные. Говорят, даже Форман отказался снимать фильмы на родине. В общем, пришлось сделать большую паузу. Но не позже чем через

полтора месяца я должен восстанавить съемки.

— Анатолий Собчак посмотрел «Хрусталева, машину!» в Париже и сразу позвонил вам...

— Он сказал: «Ты думаешь, со мной можно сделать то, что произошло в фильме?» И я ответил: «Да». Мы близко общались, просто я не люблю об этом говорить: у него объявилось слишком много друзей после смерти и почти не было такого, чтобы оказался не у дел.

— В титрах «Хрусталева, машину!» есть строка: «благодарим мэрию предыдущего созыва — в частности, Анатолия Собчака и Алексея Кудрина»...

— И эта строчка нам стоила многих нервотрепок и даже некоторых финансовых потрясений. У нас пытались отобрать кредиты, данные на фильм. Ну да ладно. Теперь я в другой жизни — «Трудно быть богом». Может быть, назову фильм по-другому: «Что сказал табачник с Табачной улицы». В романе есть герой, который все время повторяет: «А вот табачник с Табачной улицы, умнейший человек, сказал...» Но его всегда в книге обрывают на этом месте, и мы никогда не узнаем, что бы сказал умнейший человек. Я хочу, чтобы, посмотрев «Трудно быть богом», человек задумался, что же это за страна такая, что же с ней делать, что в ней делать. Я хочу, чтобы человек задумался.

Юлия КАНТОР, Санкт-Петербург

Известия. — 2001. — 19 янв. — с. 1, 2